

УДК 94(470+511):343.43

doi: 10.17072/2219-3111-2016-4-115-123

«ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ БУРЖУЕВ!»: СУЖДЕНИЯ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ РУКОВОДСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ И ЖАЛОБ 1964–1982 ГГ.)

М. А. Клинова

Уральский государственный экономический университет, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

klinowa.m@yandex.ru

На основе анализа писем и жалоб уральцев в органы власти и редакции газет (1964–1982 гг.), касающихся злоупотреблений руководства, выявлены особенности экономических суждений и этических убеждений граждан. Установлено, что категория «справедливость», под которой населением понималось равенство возможностей доступа к благам, была более четко выражена в системе суждений граждан, чем понятие «законность». Кроме того, тексты свидетельствуют, что в сознании части населения в указанный период происходила девальвация коммунистических идей.

Ключевые слова: история повседневности, СССР, Уральский регион, письма и жалобы населения, суждения, ценности населения, злоупотребления руководства.

Коррупция и злоупотребления руководства сегодня являются достаточно актуальным трендом разработок экономистов, правоведов, обществоведов. Данная девиация не нова для российской действительности. В частности, достаточно остро вопрос о борьбе с различного рода злоупотреблениями представителей власти ставился в период «брежневского» правления.

Проблематика экономических злоупотреблений может рассматриваться не только в правовом или экономическом контексте, но и в социально-аксиологической плоскости – на основе реконструкции системы суждений и ценностей граждан, фиксируемых в процессе высказываний населения по поводу девиантных практик руководства. В данной работе освещены результаты локального исследования (1964–1982 гг.), направленного на выявление этических суждений уральцев о фактах злоупотребления властью имущих. Обращение к таким ретроспективным данным сегодня актуально, так как, во-первых, в ментальных конструктах современных россиян фиксируются «следы» советского наследия, во-вторых, оценка проблемы различного рода злоупотреблений руководства с позиций населения может быть востребована в процессе перспективного социального регулирования.

В качестве методологической рамки рассмотрения темы в статье используется концепт советской повседневности, что позволяет уделить внимание повседневным мировоззренческим стратегиям и суждениям советских граждан.

Специфика методологии определяет и выбор источников изучения темы. Внимание исследователей сфокусировано на документах, фиксирующих неотредактированные вербальные практики граждан (биографиях, дневниках, письмах и т.п.). В качестве основного источника в данной работе будут использованы письма и жалобы уральцев в органы власти и редакции газет. Территориально-источниковая база исследования ограничивается тремя областями Уральского региона – Свердловской, Пермской и Челябинской. Тематически источниковая основа исследования определяется текстами писем, посвященных различного рода экономическим злоупотреблениям представителей местного руководства.

Хронологические границы исследования не случайны. Выбор «брежневского» этапа советской истории обусловлен тем, что, во-первых, в этот период борьба с экономическими злоупотреблениями становится актуальным направлением деятельности законодательных и административных органов, во-вторых, в конце «брежневского» периода происходит ослабление идеологического контроля за различными сферами жизни общества, в-третьих, отмечаются изменения в уровне

жизни населения, связанные как с ростом благосостояния, так и с обострением проблемы товарного дефицита.

В данной статье мы попытаемся на основе анализа писем и жалоб уральского населения, направленных в 1964–1982 гг. в органы власти и редакции газет и касающихся проблематики экономических злоупотреблений власть имущих, реконструировать форму обращения граждан к властям, выделить характерные структурные элементы текстов писем и жалоб, выявить особенности ценностного пространства уральцев, специфику их этических убеждений и суждений о фактах злоупотреблений.

С целью структурирования материала и повышения информативности исследования были выделены три аксиологические категории, маркирующие пространство суждений адресантов: *законность*, *справедливость*, *советскость*, или *идеологическая идентичность* – условно обозначенная категория, определяемая этическими постулатами и идеологическими императивами, транслируемыми советским дискурсом. Выделение этих категорий позволяет обозначить приоритетные линии, в соответствии с которыми строилась аргументация и высказывались суждения адресантов, а также определить относительную востребованность населением заявленных аксиологических полей.

Экономические злоупотребления и хищения государственной собственности на протяжении всего периода существования Советского государства маркировались как преступления, хотя эти явления сохранялись в советской реальности. О распространенности данных девиантных практик в Уральском регионе красноречиво свидетельствуют материалы регионального статуправления. В аналитической записке Статуправления Свердловской области сообщается: «За 1969 год установлено 240 случаев хищений» (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 26. Д. 29. Л. 1). Но уже через год в аналогичном отчете фигурирует значительно более существенная цифра – 5075 случаев хищения государственного имущества (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 3. Д. 272. Л. 6). О динамике данных явлений можно судить по результатам деятельности ОБХСС Свердловской области: число уголовных дел, возбужденных по фактам хищения, увеличилось с 620 в 1968 г. до 776 в 1972 г. (ГАСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 573. Л. 1–7).

Рост числа случаев хищений вызвал увеличение количества писем и жалоб граждан в органы власти с просьбой «призвать к ответу» руководителей предприятий и учреждений, причастных к должностным злоупотреблениям и хищениям социалистической собственности. Следует отметить, что в данных девиантных практиках участвовали не только руководящие работники, но авторы писем в органы власти, затрагивая проблему злоупотреблений, преимущественно освещают события, где фигурируют «злоупотребляющие» руководители.

В жалобах на злоупотребления руководства презентация субъекта (пишущего) представлена минимально. Информация об адресанте ограничивается фамилией, но зачастую текст остается анонимным. По всей видимости, это объясняется как направленностью текста (не прошением о чем-то, а обличением чьей-либо деятельности), так и боязнью возможных санкций по отношению к автору жалобы.

Важными структурными элементами текстов жалоб являются описание проступка и характеристика нарушителя.

Адресанты приводят данные о девиантной экономической деятельности секретарей районных парторганизаций, председателей городских и районных Советов, директоров, их заместителей и др. Злоупотреблением, часто фиксируемым в текстах жалоб, является различного рода «самообеспечение» руководителей за счет предприятий: «...по доверенности, выписанной на имя экспедитора ... в торге получил тахту, пылесос и сервант и все это увез к себе на квартиру да прихватил еще и письменный стол на базе треста» (1965 г.) (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 104. Л. 92); «...на базе ОРСа сменилось три зав. базой и они были один одного лучше. Приезжали в посёлок с парой чемоданов в руках, прижившись и присмотревшись, что контроля за ними строгого нет, начинали рвать куски для поживы всякими усушками, утрусками, боем и порчей продуктов. Прожив год или полтора, они улетели в тёплые края уже не с парой чемоданов в руках, а вывозили добро машинами и грузили в специально купленный вагон» (1967 г.) (ГАСО. Ф. Р 88. Оп. 2. Д. 907. Л. 18).

Еще одним видом нарушений, отмеченным адресантами, было использование руководителем служебного положения при распределении различных ресурсов и благ. Объектом распределения могла являться земля: «...отвел землю (в удобном месте, отобрав ее у железнодорожников) и раздал одному начальству города» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 123. Л. 159). Также важным

ресурсом был жилищный фонд: «...незаконно получил двухкомнатную квартиру, обменял ее на пятикомнатный особняк-коттедж общей площадью около 100 кв. метров» (1974 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 83. Д. 93. Л.4); «гаражи они построили не только себе, но и детям, квартиры получили на расширение на себя и на своих детей» (1982 г.) (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204 Д. 605. Л. 328).

В качестве важного структурного элемента текстов выступает характеристика нарушителя. Особенностью текстов жалоб советских граждан является детальность описания личностей злоупотребляющих руководителями. Порой их характеристика дается через воспроизведение семейных отношений, взаимодействий в коллективе и других событий, которые могут иметь достаточно косвенное отношение к самому предмету жалобы. При описании личностных пороков нарушителя адресантами используются исключительно негативные коннотации: «...неимоверно груб и сквернослов до невозможности ... руководит совершенно без авторитетно как перед коллективом, а также и среди большинства организаций и их руководителей» (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 104. Л. 93), «нерадивый и беспечный ... малоопытный, непринципиальный, идейно недостаточно подготовленный» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 201).

Сосредоточение внимания на личностных характеристиках, на наш взгляд, не случайно. В советском дискурсе достаточное внимание уделялось конструированию личности. Само построенное коммунистического будущего предполагало не только экономические и политические изменения, но и формирование особого типа человека – идейного, социально ответственного, имеющего высокие моральные качества. Транслируемые советским дискурсом перфекционистские послылы в отношении личностного конструирования способствовали формированию достаточно категоричных представлений о реализации личности в социуме. Предполагалось, что советский индивид должен был развиваться, приближаясь к нравственному идеалу – «социалистическому типу личности». Оценка уровню личностного развития должен был дать коллектив в ходе обсуждения на собраниях проявлений, поступков и проступков личности. На наш взгляд, детальная характеристика в текстах жалоб личностей злоупотребляющих руководителями и освещение их проступков, по сути, являются проекцией практики коллективного «обсуждения» и «обличения», реализуемой в СССР на собраниях коллективов разного уровня. Фиксация в текстах жалоб указанных форм подтверждает верность гипотезы О.В. Хархордина о распространении в 1960-е гг. практик официальных моделей коллективов в более широких социальных слоях и неформальных группах [Хархордин, 2002, с. 397–398].

Перейдем к содержательному анализу текстов писем в соответствии с выделенными категориями.

В отношении категории *законность* обращает на себя внимание отсутствие в текстах жалоб уральцев упоминания конкретных законодательных норм, нарушенных руководителями, что могло бы служить основанием для привлечения их к ответственности. Авторы писем скорее «намекают» на незаконность действий руководства, порой оперируя выражениями, достаточно далекими от формулировок юридических норм: «... а надо бы детально проверить деятельность З., так как его "рыльце" в изрядном "пушку". Не умывает ли он руки, так как сам-то слишком не чист на руку» (1965 г.) (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 104. Л. 94); «...прошу вашего вмешательства в это дело, дать кое-кому по заслугам». (1967 г.) (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 909. Л. 166). Приводимые примеры позволяют заключить, что в целом уровень правосознания уральского населения в исследуемый период был достаточно низким. На наш взгляд, отсутствие в текстах писем хотя бы упоминаний законодательных норм свидетельствует не только об их незнании населением, но и об общем отношении граждан к законодательным императивам. В обыденном понимании граждан законы являлись всеобщими унифицированными нормами, но не достаточно чувствительными к индивидуальным житейским перипетиям отдельных людей. Согласно исследованиям Ю.А. Левады советский человек имел специфическое отношение к жестко определенным законодательным императивам: «он приспосабливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, т.е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней "правила игры", и в то же время – что не менее важно, – постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила» [Левада, 2000, с. 19]. В целом можно утверждать, что в иерархии мировоззренческих ценностей уральцев категория *законности* не занимала приоритетного положения. Как замечает по этому поводу М.Н. Жданкин в письме в редакцию газеты «Советская Россия»: «Наши начальники и

руководители строят свою работу как им выгоднее, поэтому мне тоже приходится не верить в наши законы» (1967 г.) (ГАСО. Ф. Р 88. Оп. 2. Д. 907. Л. 18).

Что касается аксиологической категории *справедливость*, то в подавляющем количестве текстов жалоб рассуждения адресантов об экономических злоупотреблениях руководителей выстроены исходя из этой этической категории, предполагающей не столько правовую, сколько моральную оценку действий власть имущих. Под данной категорией населением в первую очередь понималось равенство в распределении благ. Об этом пишут в своем письме в обком КПСС врачи ветеринарной станции г. Свердловска: «Существует ли порядок и законность в распределении жилья в городе? ... Это самый больной вопрос в жизни нашего коллектива и подобные при распределении жилья факты подрывают веру в справедливость, наносят большую моральную травму» (1974 г.) (ЦДООСО. Ф.4. Оп. 83. Д. 93. Л. 5).

Авторы в жалобах стремятся указать на *несправедливость*, т.е. на социальное, имущественное неравенство, на нарушение его в снабжении и обеспечении граждан разных категорий. Так, автор анонимного письма (житель с. Байкалово Свердловской области) рассуждает о деятельности районных руководителей: «Ставят себе сено на лучших сенокосах и руководители района, вернее ставят им люди ... они только коровушек своих кормят да молочко даровое попивают, а попьет ли рабочий на заводе или ткачиха на фабрике молоко, их, видимо, мало беспокоит» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 201). Схожие суждения о нарушении равенства, отсутствии справедливости изложены в анонимном письме жительницы г. Чусовой в газету «Правда»: «... коммунисты отовариваются отдельно в своем буфете, вечером, чтобы народ не обратил внимания ... они нужды не видят, что им нужно, им привезут в буфет на машине, они купят, а как быть простому народу» (1980 г.) (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 326. Д. 45. Л. 18). Указание на имущественное неравенство находим в жалобе свердловских рабочих: «Мы рабочие компрессорного завода видим, как понастроили хоромины дачи на берегу нашего пруда ... новые буржуи появились на какие средства – все уваровано у нас рабочего государства!» (1972 г.) (ГАСО. Ф. Р 88. Оп. 2. Д. 1705. Л. 77).

Во всех приведенных случаях рассуждения о несправедливости строятся на сопоставлении и даже на противопоставлении социальных групп и категорий населения: руководители района – рабочий, ткачиха; коммунисты – простой народ; рабочие – буржуи. Использование антитезы позволяет достичь цели письма – по возможности более ярко отобразить факты нарушения равенства и социальной справедливости. В письме И.И. Иванова, адресованном первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцину, данное противопоставление максимально сжато и гиперболизировано в риторическом вопросе: «Почему одним все, другим ничего?» (1980 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 149. Л. 96 об.).

Суждения, построенные на контрасте и антитезе, были характерны для советского идеологического и информационного пространства [Кутина, 2005, с. 6–15]. Сопоставления и противопоставления широко представлены в текстах лозунгов и риторике официального дискурса: социализм – капитализм, рабочие – буржуазия и т.п. При этом данные понятия четко определены в координатах «свой–чужой», «хороший–плохой». Тексты писем и жалоб свидетельствуют о том, что антитеза широко использовалась населением на вербальном уровне, что обеспечивало распространение существующих клише в различных по тематике дискурсах. Данный факт подтверждает верность вывода Б.А. Грушина, основанного на материалах социологических опросов населения, о значительной зависимости массового сознания россиян от коммунистической идеологии и пропаганды [Грушин, 2006, с. 845].

В ходе анализа категории *справедливости* следует обратить внимание на то, что адресанты, рассуждая об экономических нарушениях руководства, описывают детали, которые играют немаловажную и даже символическую роль. Одним из таких символов является образ стены или забора. Например, рабочие компрессорного завода г. Свердловска в коллективной жалобе пишут: «... понастроили хоромины дачи на берегу нашего пруда огородились забором, туда не подойди ... берегом и прудом должны пользоваться все мы, а не хапуги» (1972 г.) (ГАСО. Ф. Р 88. Оп. 2. Д. 1705. Л. 77). Описанию стены уделено внимание в коллективной жалобе жителей г. Среднеуральска на заместителя начальника управления трестом Уралэнергострой: «Вокруг коттеджа возвел “крепостную стену” высотой в 2,5 метра, низ которой сделал железобетонным» (1974 г.) (ЦДООСО. Ф.4. Оп. 83. Д. 93. Л. 5), а также в жалобе жителей г. Нижний Тагил: «... построил себе ... дом ... с гаражом и высокой оградой» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф.4. Оп. 75. Д.123. Л. 159).

Образ стены, воспроизводимый адресантами, на наш взгляд, может трактоваться как своеобразный символ советской социальной дифференциации (несправедливости) – как барьер, с помощью которого соседи с более высоким имущественным и социальным статусом отгораживаются от менее успешных. Факты возведения «заборов» и «крепостных стен» вызывали раздражение граждан, воспринимаясь как нарушение социального равенства, соблюдение которого официально декларирует советский дискурс. В 1960–1970-е гг. в СССР уже была легитимирована возможность существования у советского человека частного, личного пространства, но его наличие не должно было разрушать идею равенства, т. е. частное не должно было быть умышленно отгороженным стеной. В обыденном сознании советского человека наличие заборов было допустимо на уровне «человек–государство», когда нужно было защитить тайны режимных предприятий или имеющуюся социалистическую собственность от посторонних глаз. Но на уровне «человек–человек» заборам и крепостным стенам не должно было быть места. Их наличие предполагало заносчивость и лукавство отгораживающихся (которым, вероятно, было что скрывать). В контексте жалоб граждан указанная практика определялась через негативные коннотации.

В текстах писем фиксируется отрицательное отношение адресантов к местам, доступ в которые или пользование которыми предполагало определенный статус. Наличие таких локусов в советском социальном пространстве также воспринималось населением как нарушение социального равенства, и это отношение выражалось в характерных обозначениях-названиях. Так, из анонимного письма членов коллективного сада в г. Нижний Тагил мы узнаем, что «удобное место», где земли были розданы только начальству города, «в простонародии прозвано "Барская поляна"», а земли на территории лесхоза, занятые партийным руководством, обозначаются не иначе как «поместья» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 123. Л. 159). Жительница г. Чусовой в своем письме указывает на местное название советского учреждения: «Горком партии что-то не очень беспокоит положение в городе, у нас его так и называют "Белый дом"» (1980 г.) (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 326. Д. 45. Л. 18).

Судя по интонации, подобные названия-ярлыки можно назвать в большей степени ироничными, чем агрессивно-недоброжелательными. В то же время в них достаточно удачно схвачена специфика определяемых явлений – через недвусмысленный намек на их девиантность и несоответствие нормам. Обращает на себя внимание механизм стигматизации, который реализуется путем проецирования обозначаемых понятий в досоветское капиталистическое прошлое (с его сословным неравенством) либо посредством проведения прямых параллелей с современным авторам капиталистическим миром. Такое конструирование ярлыков позволяет презентовать обозначаемые явления как сущностно чуждые советской действительности. Чужеродность обличаемых адресантами явлений в текстах писем обозначается не только через намеки-ярлыки, но и прямым текстом. В письме М.Н. Жданкина критика деятельности районных руководителей построена именно таким образом: «... не парторганизации ни районный прокурор, ни местные депутаты ... не стоят за интересы рабочих, это выходит все равно как Американская прогрессивность» (1967 г.) (ГАСО. Ф. Р. 88. Оп 2. Д. 907. Л 19).

В целом в рассуждениях о злоупотреблении (о несправедливости) руководства адресантами схвачена достаточно важная тенденция развития советского общества, заключающаяся в усиливающейся в 1960–1980-е гг. социальной дифференциации, которая проявлялась в желании представителей более статусных групп дистанцироваться от остальных граждан. Б.А. Грушин обозначает данную тенденцию как конфликт двух типов огромных массовых общностей: рядового населения страны и представителей всех родов, видов и рангов управления, именуемых властью [Грушин, 2006, с. 878]. В текстах писем граждан фиксация данных «сепаратистских» устремлений руководства проявляется не только на уровне использования (возможно, неосознанного) адресантами специфических образов–символов или названий–ярлыков, но и в достаточно осмысленных рассуждениях. В качестве примера можно привести выдержку из письма жителя с. Байкалово Свердловской области: «Оно (руководство района. – М.К.) оторвалось от основных масс, не признает и не прислушивается к рабочему люду, увлеклось своими интересами, не знает положения на местах, боится вскрыть недостатки и критически проанализировать их ... свои ... интересы соблюдают превыше всего, не пройдет и одного года, чтоб не переделывали да не украшали свои кабинеты, обставляют дорогой мебелью, радиолами, квартиры свои благоустраивают да вновь строят дома для себя, почему-то вместе с народом не хотят жить – и это всего лишь районное руководство ... Они боятся

лишне показываться простым людям, говорить с ними, слушать их и учиться своему руководству массами. Хуже того, так они удаляют от себя подальше те учреждения, которые больше всего связаны с простым народом» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 204). Аналогичные замечания встречаются и в пометках уральцев на избирательных бюллетенях: «Плохо, что выбираем депутатов, далеких от народа, они не знают нужды ... не живут с народом» (1970 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 74. Д. 132. Л. 80).

Описывая деятельность руководителей как злоупотребления, нарушающие социальное равенство, адресанты освещают еще одну сторону *несправедливости*, выражающуюся в преследовании правдоискателей властью имущими. Опасения населения в связи с этим и примеры обращения руководства с теми, кто «посмел сказать правду», отмечаются в подавляющем большинстве текстов жалоб: «...мнение о работнике ... может изменить буквально на ходу, вылить на него любую грязь, всячески унижить и оскорбить, устранить его со своего пути» (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 104. Л. 96); «...за справедливую и конкретную критику мстят, готовы со света сжить, лишают работы, не дают возможности устроиться самому куда можно» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 203); «...все кто осмеливается высказать свое возмущение существующим положением дел, подвергаются гонениям» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 149. Л. 96).

Описанные сюжеты могут являться основой для размышлений о фактических провинциальных практиках «властвования» в советском государстве, но в анализируемых текстах жалоб они не выступают основным объектом, а дополняют социальный портрет руководителя и реконструируют картину социальной несправедливости.

Еще одна система координат, в которой строится критика экономических злоупотреблений руководителей, определяется категорией *советскости*, или *идеологической идентичности*.

Критика деятельности руководителей в плане ее несоответствия определяемым идеологией поведенческим образцам, осуществляется авторами писем в различных стилистических формах, например, в стилистике назидательных рассуждений: «Вообще вся политмассовая, идеологическая воспитательная работа руководством райкома партии ведется в отрыве от жизни – завуалировано, сглажено, приукрашено ... если бы они умели руководить, прилагали максимум энергии, были со всеми и во всем справедливы и честны (каким должен быть руководитель-коммунист), то район мог бы иметь показатели в два раза выше по всем отраслям» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 203). Зачастую осуждение идеологических деформаций реализуется через гневные интонации: «Вот какие у нас начальники и коммунисты ... при народе показывают, что за пол-литра они все сделают шито крыто» (1967 г.) (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 907. Л. 18); «Вот такова мораль, таково соблюдение ленинских принципов и норм жизни» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 203). «Правильно ли поступают так коммунисты? Для нас это дико ... как они посмели идти на такую подлость?» (1972 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 79. Д. 88. Л. 4).

Наличие в текстах писем критики деятельности руководителей, развернутой в идеологической плоскости, обращает на себя внимание, так как, например, в освещении трудовых конфликтов такая линия критики фактически не представлена и требуемый решения вопрос описывается адресантами исключительно в рамках нарушения социальной справедливости [Клинова, 2014, с. 34–36]. Вероятно, одной из причин обращения населения к идеологическим нормативам является тот факт, что большая часть обличаемых руководителей имела партийную принадлежность. А члены партии должны были в большей мере соответствовать идеалу строителя коммунизма: «Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству, высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов и т.п.» [Моральный кодекс..., 1962, с. 97]. Можно предположить, что, с точки зрения адресантов, жалоба на члена партии, выдержанная в русле критики его деятельности как неподобающей коммунисту и направленная в вышестоящие партийные органы, имела больше шансов быть рассмотренной и услышанной. Содержательную направленность текстов писем на достижение «утилитарной» задачи, безусловно, необходимо учитывать при работе с источником.

Не менее актуальными видятся вопросы о том, насколько идеологические императивы резонировали с ценностными координатами пишущих и насколько население верило и доверяло транслируемым официальным дискурсом обещаниям.

В текстах некоторых писем специфика и стилистика изложения свидетельствуют о том, что определяемая идеологией этическая система была «обжита» и лично адаптирована частью

населения, став неотъемлемой составляющей личностных нравственных норм. В качестве иллюстрации этого можно привести выдержку из уже упоминавшегося анонимного письма жителя с. Байкалово: «Я коммунист и иначе не могу поступать, думаю, пусть, хотя не скоро, через 10-15 лет меня уже не будет, но письма мои пойдут на пользу простому народу, укрепят его силы, создадут условия к его идеологическому перевоспитанию, тем самым приблизится торжество коммунизма» (1971 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 203).

В письмах отражены и более скептические оценки транслируемых идеологией посулов. При этом суждения граждан не ограничиваются вскрытием конкретных несоответствий в деятельности местного руководства, а охватывают более масштабные социально-экономические реалии проживаемой авторами эпохи. Так, жительница г. Чусовой в письме в редакцию газеты «Правда» пишет: «Обращаюсь к тебе с большой просьбой: помоги мне найти правду. Растолкуй мне, беспонятливой женщине, при каком же строе или обществе я живу. Все вокруг говорят, что мы живем при социализме, но мне что-то не верится. Социалистическое общество – это общество, которое дало народу свободу и благосостояние. Да, народ живет лучше, но не весь народ» (1980 г.) (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 326. Д. 45. Л. 17). Аналогичные суждения приводятся в письме И.И. Иванова: «Что делается? Куда мы катимся? О каком коммунизме может идти речь? Кто верит в этот коммунизм? Абсолютно никто! Мы, будучи молодыми, так верили в светлое будущее! Так надеялись на что-то хорошее! Ну и что же теперь? ... Непонятно, во имя какого светлого будущего люди должны совершать трудовые подвиги?» (1980 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 149. Л. 96 об.).

В целом анализ текстов писем уральцев позволяет предположить, что фиксируемое расхождение действительности и коммунистических обещаний достаточно болезненно воспринималось гражданами, вызывало острые эмоциональные реакции. Некоторые авторы писем, лично принимая транслируемые идеологией этические конструкты и футуристические обещания, расценивали несогласованность реальности и догматов как досадную деформацию реальности, которую необходимо корректировать в соответствии с идеологическими императивами. Другие адресанты, наблюдая за деятельностью руководства и социально-экономическим развитием страны, сомневались в целесообразности идеологических догм. Существование такого «разлома» в социальном сознании подтверждает верность гипотезы Б.А. Грушина о начавшемся в этот период процессе осознания россиянами краха коммунистической идеи при еще сохранявшейся в массовом сознании лояльности к этим идеалам [Грушин, 2006, с. 843–844, 851, 866]. В 1970–1980-е гг. процесс девальвации ценностей нарастал, постепенно вытесняя сохранявшуюся в сознании советских граждан веру в возможность построения коммунистического будущего. Тенденция к утрате доверия населения к идеологическим посулам и ощущение увеличения дистанции между руководством и народом привели к тому, что частью населения партийная принадлежность начинает восприниматься как пропуск в «закрытое» общество, деятельность которого не регулируется ни законами, ни этическими и моральными нормами. Так, Малышев, житель г. Богданович Свердловской области, отмечает: «Они партийные, им все можно» (1974 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 83. Д. 93. Л. 6). Об этической специфике руководства, отделяющей его от остального населения, пишет И.И. Иванов: «Бессовестные, нечестные люди живут гораздо лучше честных ... сколько я знаю людей, которые чем ни подлее, тем лучше в жизни устроились...» (1980 г.) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 149. Л. 96 об.).

Таким образом, исследование текстов писем и жалоб уральского населения, относящихся к «брежневскому» периоду, дает основание заключить, что информационный потенциал этих источников достаточно велик: позволяет не только реконструировать событийную сторону повседневности уральцев, но и выявить специфику экономических и этических суждений граждан, а также проследить динамику процессов, происходящих в советском социуме, и их восприятие населением.

Судя по текстам писем уральцев, категория *справедливости*, под которой населением понималось равенство возможностей доступа к благам, была более выражена в системе экономических суждений граждан, нежели понятие *законности*. Что касается категории *советскости*, то на этом уровне злоупотребления трактовались как нарушения руководителями официально определяемых идеологией поведенческих образцов. Выраженность в пространстве суждений советских граждан категорий *справедливости* и *советскости*, несомненно, свидетельствует о важности данных аксиологических полей. Именно *справедливость* (сохранение социального равенства) и *советскость* (этическое соответствие стандартам) определяли систему координат, в рамках которой гражданами оценивалась деятельность советского руководства. Экономические злоупотребления власть иму-

щих трактовались гражданами как грубые нарушения, допущенные в рамках данной аксиологической системы, вызывавшие у населения категорическое неприятие и значительное снижение доверия к власти. В «брежневский» период процесс дискредитации руководства в глазах населения уже не ограничивался отдельными представителями местной власти, а постепенно охватывал всю советскую систему, так как указанные аксиологические категории являлись базовыми атрибутами всего реализуемого в СССР проекта социального устройства.

Описанные процессы и явления привели к подвижкам в общественном сознании, проявившимся в начавшейся девальвации коммунистической идеи и снижении доверия граждан к транслируемым официальным дискурсом обещаниям, хотя в исследуемый период в советском социуме еще сохранялась относительная лояльность к существующим идеологическим постулатам.

Список источников

Государственный архив Свердловской области (далее - ГАСО). Ф. Р 88. Оп 2. Д. 907. Л 18–19; Д. 909. Л. 165–166; Д. 1705. Л. 77–77 об.; Ф. 1813. Оп. 3. Д. 272. Л. 6; Оп. 26. Д. 29. Л. 1; Ф. 2097. Оп.1. Д.573. Л.1–7.
Объединенный государственный архив Челябинской области (далее - ОГАЧО). Ф. П-288 Оп. 204 Д. 605. Л. 324–328; Оп. 161. Д. 104. Л. 92–96.
Пермский государственный архив новейшей истории (далее - ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 326. Д. 45. Л. 17–19.
Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее - ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 75. Д. 195. Л. 201–204; Д.123. Л.159–159 об.; Оп. 98. Д. 149. Л. 96, 96 об.; Оп.74. Д.132. Л.77–80; Оп.79. Д.88. Л.4; Оп.83. Д.93. Л.1–8.

Библиографический список

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). М., 2006.
Клинова М.А. Жалобы в органы власти как способ решения трудовых конфликтов (по материалам писем жителей Свердловской области второй половины 1940-х–1950-х гг.) // Право в современном мире: вопросы защиты прав человека: Матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург. 2014.
Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь. 2005.
Левада Ю.А. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг. 2000. №1.
Моральный кодекс строителя коммунизма // Хрестоматия по марксистско-ленинской философии. М.. 1962.
Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2002.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.07.2016

“UNDER THE SOVIET RULE, THERE SHOULD BE NO BOURGEOISIE!”: JUDGMENTS OF THE URAL POPULATION ON ABUSES OF AUTHORITIES (BASED ON THE LETTERS AND COMPLAINTS (1964–1982))

М. А. Klinova

Ural State University of Economics, 8 marta/Narodnoy Voli str., 62/45, 620144, Yekaterinburg, Russia
klinowa.m@yandex.ru

The article focuses on the linguistic analysis of letters and complaints dealing with the problems of economic abuses of the authorities, written in 1964–1982 and sent by the Ural citizens to the authorities and to the newspapers' editorial offices. The author reconstructs the overall arguments posed by the citizens and traces their value field, as well as the aspects of economic judgments and ethical beliefs represented by the Ural population. The analysis of the complaints' texts leads to a conclusion that, within the citizens' system of economic perceptions, the concept of “legality” occupied a substantially lower position than the concept of “justice”, which was mostly understood to mean equal accessibility of goods. The breach of that balance of social (economic) equality, vitally important for the citi-

zens, provoked acute emotional reactions and criticism of the transgressors, both from ethical positions and through the charge of ideological non-compliance. At the linguistic level, repudiation of inequality appears within the texts of the letters both in form of negative terms-labels and as the accentuated description of certain images (a wall, a fence) perceived negatively by the population. During the analyzed period, people noticed an increased social (material) differentiation taking place in the Soviet society and accompanied by the destruction of horizontal connections within the “authorities – masses” system. Within the mental world of some population groups, the idea of communism has become devalued; public confidence in the promises conveyed by the ideology declined – although society in general continued to remain loyal to the ideals of communism.

Key words: everyday life history, the USSR, people’s letters and complains, judgments, values of the population, abuses of authorities.

References

- Grushin B.A.* Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 2-ya. Epokha Brezhneva (chast' 2-ya). M.: Progress-Traditsiya. 2006.
- Kharkhordin O.V.* Oblichat' i litsmerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti. SPb.: «Letniysad». 2002.
- Klinova M.A.* Zhaloby v organy vlasti kak sposob resheniya trudovykh konfliktov (po materialam pisem zhiteley Sverdlovskoy oblasti vtoroy poloviny 1940-kh–1950-kh gg.) // Pravo v sovremennom mire: voprosy zashchity prav cheloveka: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg. 2014. S. 32-38
- Kupina N.A.* Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. Ekaterinburg - Perm': ZUUNTs. 2005.
- Levada Yu.A.* Chelovek lukavyy: dvoemyslie po-rossiyski // Monitoring. 2000. №1. S.19-27.
- Moral'nyy kodeks stroitelya kommunizma // Khrestomatiya po marksistsko-leninskoy filosofii. M.: Politizdat. 1962. 2302 s.